

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том IX

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В XX ВЕКЕ:
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Книга 1
1920—1930-е годы

Часть 1

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1920-е

ПОРТРЕТЫ 1920-х

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1930-е

ПОРТРЕТЫ 1930-х

РЕГЕНТЫ И ХОРЫ

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том IX

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В XX ВЕКЕ:
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Книга 1
1920 — 1930-е годы

Часть 1

Подготовка текста, вступительные статьи, комментарии

М. П. Рахманова

Научный консультант

А. А. Наумов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 78.03(470-571)
ББК 85.318
Р 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 15-04-16138

Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IX. Русское православное церковное пение в XX веке: Советский период. Кн. 1: 1920—1930-е годы. Ч. 1 / Гос. ин-т искусствознания; подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. М. П. Рахмановой; научный консультант А. А. Наумов. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 608 с., ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630
ISBN 978-5-94457-245-5

Тема, подобная той, которой посвящен IX том серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», до сих пор не ставилась как отдельная и самостоятельная, в охвате не только примыкающего к 1917 десятилетия, но всего исторического периода. Между тем, осмысление наследия советской эпохи в целом все отчетливее ныне осознается как одна из основных задач актуального искусствознания. Этот том — опыт приближения к огромной по объему и значению сфере, опыт первичного обобщения материала.

Ввиду объема публикуемых документов том делится на две книги, посвященные, соответственно, периоду между двумя мировыми войнами (в данном случае от 1917 — по начало 1940-х) и послевоенному (от 1943 до 1988, то есть празднования 1000-летия Крещения Руси).

В отличие от предыдущих томов РДМ в этой книге нет какой-либо единообразной формы подачи материалов классического типа: «вступление — текст — комментарий». Форму подачи здесь диктует характер имеющегося материала; это может быть и «чистая» публикация архивного (или опубликованного ранее) текста полностью со вступлением и комментариями, и извлечение из разных текстов необходимых фрагментов, и обзор с многочисленными цитатами, и проч. В любом случае мы старались подходить к текстам разных жанров с максимальной бережностью и, безусловно, с глубокой благодарностью к их авторам, здравствующим и почившим.

УДК 78.03(470-571)
ББК 85.318

На фронтиспise:
икона Новомучеников и Исповедников Российских.
Иконописец Николай Папков

ISBN 978-5-94457-245-5

9 785944 572455 >

© М. П. Рахманова, подгот. текста, вступит.
ст. и коммент., 2015
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	9
«С нами Бог!» Время. Люди. Деяния. <i>Хроника 1917—1930-х годов</i>	25

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1920-е

Города

Церковно-приходская жизнь Москвы	109
<i>Митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский).</i> Неделя в Патриархии	127
<i>Никита Окунев.</i> Дневник москвича	136
<i>Николай Розов.</i> О церковных хорах и диаконах в Ленинграде	148
<i>Николай Любимов.</i> Мудрые звуки	154
<i>Священник Павел Чехранов.</i> Две тюремные Пасхи	163
<i>Вера Корнеева.</i> Воспоминания о храме свв. Бессребреников Кира и Иоанна на Солянке	169
<i>Софья и Наталья Самуиловы.</i> Отцовский крест	173

Монастыри

Александро-Невское братство	196
Данилов монастырь	230
Киево-Печерская лавра	258

ПОРТРЕТЫ 1920-х

Священник Василий Зиновьев (<i>Людмила Зуммер</i>)	274
<i>О. Василий Зиновьев.</i> Постановка хора (воспитание хора)	286
Сергей Ляпунов (<i>Владимир Миллер</i>)	302
Александр Оленин: народная литургия	321

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1930-Е

<i>Андрей Козаржевский. Церковно-приходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов</i>	330
<i>Анатолий Свенцицкий. Невидимые нити</i>	335
<i>Протоиерей Анатолий Правдолюбов. Письмо к Геннадию Нефедову</i>	351

ПОРТРЕТЫ 1930-Х

<i>Протоиерей Георгий Извеков</i>	374
<i>Владимир Иванов-Корсунский</i>	407

РЕГЕНТЫ И ХОРЫ

<i>Александр Смирнов. Воспоминания о Синодальном училище и хоре</i>	419
---	-----

Николай Данилин

<i>Биографическая хроника: 1917—1928</i>	433
<i>Александр Ведерников. Некролог</i>	438
<i>Воспоминания о Николае Данилине</i>	440
<i>Василий Постников. Перечень церковных песнопений с указанием композиторов, произведения которых исполнялись хорами под управлением Н. М. Данилина на службах в храмах Москвы</i>	450

Павел Чесноков

<i>Биографическая хроника: 1917—1928</i>	480
<i>Василий Алексеев. Юбилей П. Г. Чеснокова</i>	486
<i>Из писем Владимира Вильшау к Сергею Рахманинову</i>	489
<i>Павел Чесноков. Предисловие к 1-й части книги «Хор и управление им»</i>	492
<i>Андрей Каютов. Письма о духовном пении Павлу Чеснокову</i>	495
<i>Иван Юхов. Дневник хора (1924—1928)</i>	509
<i>Михаил Косаткин. Владимирский архиерейский хор и его деятели</i>	517
<i>Дмитрий Пышкин. Дневник старообрядческого певца</i>	529
ДУХОВНЫЕ КОНЦЕРТЫ: 1920-Е	576

ВТОРАЯ ЧАСТЬ**ДИАКОНЫ**

<i>Александр Смирнов. Великий архидиакон</i>	619
<i>Никита Окунев. Дневник москвича</i>	626
<i>Михаил Губонин. [Великий Патриарший Архидиакон]</i>	631
<i>Михаил Макаров. Из жизни православной Москвы</i>	633
<i>Инок Дорофей (Рябинкин). Из воспоминаний</i>	647
<i>Василий Алексеев. Московские протодиаконы</i>	649
<i>Василий Алексеев. Московские проповедники</i>	658
<i>Анатолий Свенцицкий. Московские протодиаконы</i>	659
<i>Николай Любимов. Благовестники</i>	665
<i>Сергей Бирюков. Из пропасти забвения</i>	684
<i>Леонид Леонов. Из романа «Пирамида»</i>	690
<i>Приложение 1. Журнал Московской Патриархии: некрологи и юбилеи</i>	696
<i>Приложение 2. Материалы из архива К. В. Розова</i>	705

КОЛОКОЛА

<i>Павел Гидулянов. Церковные колокола на службе магии и царизма</i>	713
<i>Звонарь Павел Гедике</i>	719
<i>О. Сергей Дурылин. Москва</i>	720
<i>Андрей Козаржевский. Звуковой фон Москвы 1920—1930-х годов</i>	733
<i>Борис Пильняк. Красное дерево (фрагменты)</i>	735
<i>О. Сергей Дурылин. Колокола (фрагменты)</i>	737
<i>Приложение. Колокола Большого театра</i>	764

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>А. В. Преображенский в Петроградской/Ленинградской консерватории (Тамара Сквирская)</i>	768
<i>Протоиерей Василий Металлов. Христианское богослужение в связи со священным песнопением и церковной музыкой</i>	776

<i>Яков Богатенко. Материалы по изучению мелодической структуры знаменного крюкового пения</i>	783
<i>Константин Кузнецов. Древнерусское церковное пение</i>	802
ДЕЛО ДРАМСОЮЗА	811
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПОЛИКАРП КИРЕЕВ)	944
БОРЬБА С «ЦЕРКОВЩИНОЙ». ПРОЛЕТАРСКИЕ ЖУРНАЛЫ	956
<i>Александр Никольский. О стилях хорового пения: «церковном» и «светском»</i>	969
<i>Леонид Сабанеев. Музыка после Октября</i>	973
<i>Чистка в ГИМНе (из писем Я. А. Богатенко к В. В. Пасхалову)</i>	976
<i>Виктор Виноградов. Против церковщины в музыке</i>	982
<i>Александр Чаянов. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской Утопии</i>	1007

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Яков Богатенко</i>	1019
<i>Протоиерей Георгий Извеков</i>	1027
<i>Владимир Иванов-Корсунский</i>	1041
<i>Александр Оленин</i>	1049
<i>Антирелигиозные сочинения</i>	1059

ВСТУПЛЕНИЕ

Тема данного тома в серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» (далее — РДМ) необычайно интересна и в то же время необычайно сложна. Казалось бы, советская эпоха в жизни Русской Православной Церкви оставила мало исторических материалов, пригодных для публикации и осмысления, то есть работ о церковном пении, рецензий на выступления духовных хоров, размышлений об этом искусстве, писем церковно-музыкальных деятелей — того, что наполняло предшествующие тома серии. Однако «погружение в тему» постепенно стало открывать иное: оказалось, что исторические материалы на самом деле имеются, и их совсем не мало.

Пожалуй, на первый план здесь — наряду, конечно, с документами иного рода — выходят воспоминания об ушедшей эпохе. Особенность ситуации состоит в том, что отдельных, специальных текстов о церковном пении в советскую эпоху действительно не так уж много, гораздо больше — отдельных эпизодов, замечаний, оценок, скрывающихся в текстах церковной, и не обязательно церковной, мемуаристики. Редкие из мемуаристов пишут пространно и профессионально о собственном пении, хотя такие тоже есть, и среди них замечательные авторы — к примеру, знаменитый переводчик Николай Любимов, артист Малого театра Анатолий Свенцицкий, профессор Московского университета Андрей Козаржевский, а среди церковных людей — протоиерей Анатолий Правдолюбов, священник Сергей Желудков (их тексты широко представлены в настоящем томе). Гораздо чаще мемуаристы по ходу развертывания свитка своей жизни вспоминают о службе в том или ином храме, в том или ином городе или селе, в те или иные годы, и в числе прочего — о пении. Подобные эпизоды могут давать хотя и краткие, но очень важные, ценные штрихи к создаваемой общей картине. Правда, сложить из них убедительную «мозаику», конечно, непросто.

Неожиданно большим оказался нотный материал, оставленный советской эпохой; его объем вряд ли возможно сейчас определить с какой-либо точностью: хотя некоторая часть этого наследия нашла отражение в изданиях последних лет, все же очень многое существует пока в рукописном (и часто в невыявленном) виде — иногда в государственных хранилищах, чаще в архивах и нотных библиотеках разных храмов, монастырей, духовных учебных заведений, в личных собраниях. Во всяком случае, можно указать, что в списке агентства по авторским правам 1920-х годов, где имелась хоровая секция, зарегистрировано более сотни авторов духовных композиций (конечно, с разным объемом творчества; см. далее в разделе «Драмсоюз»); в очень большой и преимущественно рукописной библиотеке известного московского регента Василия Локтева, собиравшейся на протяжении 1920—1970-х годов и хранящейся ныне в Синодальной библиотеке, представлено около полутора сотен

современных собирателю авторов и т. д. Вообще же сохранившиеся до наших дней регентские, клиросные библиотеки — исключительно ценный источник не только для выявления созданных в советскую эпоху композиций, но и для воссоздания общего репертуара церковного пения в это время.

Работа над такими материалами по существу только начинается: важный почин был положен в конце 1990—2000-х годах изданием трех выпусков Трудов Московской регентско-певческой семинарии, несколько позже — работами выпускников Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, опубликованными преимущественно в периодике этого учебного заведения. Выдающееся значение имеют также статьи о регентах и композиторах советского периода, появляющиеся по мере выхода в свет очередных томов Православной энциклопедии (и здесь следует обязательно назвать автора целого ряда энциклопедических статей — Н. Ю. Плотникову). Мы стремились учесть все подобные публикации и упомянуть (а часто — и процитировать) их в соответствующих разделах обеих книг тома. Несомненно, однако, что здесь еще предстоит многолетняя собирательская деятельность, которая пока ведется все же разрозненно, главным образом частными усилиями отдельных регентов и исследователей в разных городах (некоторые из них принимали участие в осуществлении данного проекта, имена других непременно появятся на страницах обеих книг этого тома).

Конечно, православное церковное пение русской традиции развивалось в XX веке не только в России, но и за рубежом, в русской эмиграции. Но это — совершенно особая область, в целом активно разрабатываемая в последние десятилетия, хотя и, безусловно, далеко не исчерпанная. По русскому зарубежью материалов очень много, поскольку люди там свободно писали письма, печатали мемуары, существовало много периодических изданий, уделявших внимание церковной жизни, в том числе пению. Не все публиковалось, но часто сохранялось в разных архивах и ныне постепенно, тоже не без серьезных трудностей, становится доступным¹. Конечно, хотя ситуации «там» и «здесь» складывались совсем разные, было и общее, а именно исторический опыт певцов и регентов старшего поколения. Любопытный материал для размышлений могут дать сопоставления репертуаров отечественных церковных хоров с репертуарами церковно-певческого зарубежья. Вероятно, такие исследования — важная задача ближайшего будущего.

Особую тему, находящуюся как бы на скрещении «здесь» и «там», образует церковная жизнь и пение на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны. Ныне такими исследованиями весьма плодотворно занимается С. Г. Зверева².

¹ См., например, недавно вышедшее обобщающее издание по этой проблематике: Русское зарубежье: музыка и православие. Междунар. науч. конф. / Сост. С. Г. Зверева. М., 2013.

² См., в частности: Зверева С. Г. Из истории русской музыкальной жизни в Смоленской, Минской и Псковской областях в годы немецкой оккупации // Музыкальное наследие в современном обществе. Материалы конференции 1—5 октября 2012 года / Сост. Т. В. Гинзбург. М., 2014. С. 261—272.

* * *

Хотелось бы сразу подчеркнуть: настоящее вступление (либо предисловие) к первой книге IX тома РДМ отнюдь не является аналитическим очерком по истории русского церковного пения всей советской эпохи или даже только периода между 1917 и 1941 — скорее это попытка наметить контуры, основные параметры. До некоторой степени и задачу тома в целом в известном смысле можно определить как попытку дать некую *хрестоматию* отобранных и прокомментированных текстов по основным направлениям темы, создать перспективу для дальнейших исследований.

В разных томах РДМ, начиная с первого, неоднократно появлялись «выходы» в советскую эпоху, что совершенно естественно, ибо многие люди, жившие и работавшие в конце XIX — в первые десятилетия XX века, продолжали жить и работать после 1917, а творческие явления, возникшие в начале XX века, находили то или иное продолжение в последующую эпоху. Среди подобных «выходов» можно упомянуть хотя бы опубликованные в I томе воспоминания «синодала» А. П. Смирнова о судьбах его товарищей по Синодальному училищу в советскую эпоху (эти воспоминания частично приводятся и в настоящей книге); публикацию в III томе большого фрагмента из книги А. В. Преображенского «Культовая музыка в России», созданной уже в 1920-е; многое из материалов, связанных с деятельностью А. Д. Кастальского и ее осмыслением современниками, в V томе, где имеется также аналитическая статья С. Г. Зверевой «О судьбах церковно-музыкального наследия после 1917 года»; целый ряд текстов советского периода будет опубликован и в VIII томе, посвященном многообразной деятельности А. В. Никольского.

И все же тема, подобная той, которой посвящен настоящий том, до сих пор не ставилась как *отдельная и самостоятельная*, а главное, в охвате не только примыкающего к 1917 десятилетия, но *всего исторического периода*. Между тем осмысление искусства советской эпохи в целом все отчетливее ныне осознается как одна из основных задач актуального искусствознания. Свидетельства тому могут быть как целый ряд опубликованных исследований, состоявшихся выставок и проч., так и работа, которая ныне ведется в Государственном институте искусствознания в рамках проекта новой многотомной Истории русского искусства, куда входит несколько томов по советскому периоду XX века. Конечно, для нашей темы огромное значение имеют фундаментальные работы по истории Русской Церкви XX века, которые вышли в течение последних двух десятилетий и в которых, по словам автора многочисленных интереснейших публикаций на данную тему историка С. Л. Фирсова, «исследователи сумели достигнуть существенных высот в осмыслении недавнего прошлого Русской Православной Церкви»³.

³ Фирсов С. Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 — начало 1940-х. М., 2014. С. 424.

В эту замечательную книгу в виде «прибавления» включен большой историографический обзор церковно-исторической науки в 1990—2010-е годы, что избавляет нас от

Пытаясь охватить все стороны такого сложного и выходящего за пределы собственно искусства явления, каковым является церковное пение, необходимо учитывать, что пение всегда имело как «письменную», так и «устную» форму существования, а главное, что любая тема по церковному пению многосоставна, потому что оно никогда не существует само по себе, отражая и жизнь Церкви вообще, и конкретно богослужебную практику — в данное время и в данном месте, и вкусы духовенства, певцов, регентов, прихожан, и, наконец, — жизнь страны, государства. В советский период диктат государства был необычайно мощным, что сказывалось — и чаще всего сказывалось сокрушительным образом — на всех сторонах церковной жизни, в том числе на пении.

Если говорить о периодизации, то ясно, что первый период советской эпохи заканчивается в 1928—1929, совпадая со свертыванием нэпа⁴. Хотя буквально с первых месяцев после октябрьского переворота Церковь начала испытывать жестокие гонения, хотя в это время масса церковных людей была казнена, арестована, сослана, — все же «запрета на профессию» для регентов, певцов, композиторов тогда еще не было. И даже более того: в 1920-е годы количество служб с участием лучших хоров, певцов, регентов, количество духовных концертов в храмах резко выросло — и в столицах, и в провинции. Причин тому было много. Не последнюю роль играли причины материальные — необходимость дополнительного заработка в голодное время начала 1920-х, с одной стороны, свобода от каких-либо стеснений со стороны церковной власти — с другой. Но было в этом пышном цветении церковного и богослужебного искусства и нечто иное: предчувствие надвигающихся еще больших бед, когда люди, в том числе церковные певцы, стали находить в Церкви последнее прибежище.

Д. С. Лихачев вспоминал, например, о начале двадцатых годов в Петрограде:

Богослужения в оставшихся православными [то есть не обновленческих] церквях шли с особой истовостью. Церковные хоры пели особенно хорошо, ибо к ним примыкало много профессиональных певцов (в частности, из оперы Мариинского театра). Священники и весь причт служили с особым чувством. <...> Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой, 2», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и других местах, тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России⁵.

необходимости перечислять множество книг, сборников, статей, которые легли в основу настоящего тома — как необходимый его фундамент. Многие из этих работ упоминаются в комментариях к текстам тома. Часто особенно трудно бывало вычленить историю церковно-певческого искусства из общецерковной истории, и мы сознаем, что не всегда попытки подобного вычленения оказывались удачными.

⁴ «Новая экономическая политика» была провозглашена государством в 1921; ее свертывание начинается в 1928, юридическое прекращение — в 1931. Для церковного пения особенно важен рубеж 1928/1929, доказательства чему будут приведены далее.

⁵ Наше наследие. 1993. № 26. С. 35.

Поскольку рухнула всяческая цензура, в храмах можно было исполнять все, что хотелось причту, регентам и прихожанам. С другой же стороны, рухнула государственная поддержка Церкви, а следовательно, чтобы выжить и сохранить храм (малопосещаемый храм имел все шансы быть тут же закрытым советскими органами), причту и регентам приходилось думать о привлечении туда народа. С этой целью, в частности, проводились духовные концерты — с лучшими солистами, лучшими регентами во главе хора (такие концерты в Москве весьма поддерживал Патриарх Тихон — из просветительских соображений). А также служились во множестве особые торжественные службы — тоже с мыслью о привлечении народа, но, кроме того, и потому что множество духовенства осталось без мест (храмы были закрыты) и стекалось в Москву (или вообще в крупные города), в действующие церкви. Духовным концертам 1920-х и их программам посвящается в книге особый раздел.

В это время создавалось — и очень известными авторами, и, так сказать, второстепенными — довольно много новой музыки для клироса. Значительная ее часть (в виде разного рода списков) отражается в документах, сохранившихся в архивном фонде упомянутого выше агентства Драмсоюз (РГАЛИ). Там имеются также анкеты, в которых вступавшие излагали свои биографии; всего было зарегистрировано, как уже говорилось, более ста авторов, в том числе очень известные — например, А. В. Никольский, о. Димитрий Аллеманов, Виктор Калинин, Н. С. Голованов, П. Г. Чесноков, К. Н. Шведов. Как ни удивительно, но до конца 1920-х члены Драмсоюза получали авторские отчисления от исполнения их песнопений в храмах.

Деятельность Драмсоюза была свернута к 1930. Несколько ранее, в 1928, музыканты с крупными именами вынуждены были уйти из Церкви. Так, профессора Московской консерватории Н. М. Данилин, П. Г. Чесноков, А. В. Александров дотянули «до последнего», регентуя в храмах. Далее они, а также еще один профессор консерватории — известнейший духовный композитор А. В. Никольский дали в каком-то виде (пока не прояснено, в каком именно) подписку в том, что не будут более регентовать и распространять свои духовные композиции, подразумевалось — не будут и сочинять новые⁶. Усилились и ранее проводившиеся так называемые чистки с последующими увольнениями «классово чуждых» из разных учреждений — учебных, научных и проч. (образцовое описание такого собрания в Государственном институте музыкальной науки читатель найдет в письме Я. А. Богатенко к В. В. Пасхалову в разделе «Борьба с “церковщиной”»). Музыканты, еще в середине 1920-х называвшие себя в анкетах «регентами» и «духовными композиторами», к концу десятилетия стали писать — «кружковод», «хоро-

⁶ Об этом прямо говорится в письме А. В. Никольского к Д. С. Семенову от 22 августа 1933: «К тому же с меня однажды было взято письменное обязательство не распространять своих культовых сочинений». Цит. по статье Д. С. Семенова о Никольском, помещенной в Словаре православного русского церковного пения (см. ниже).

вой работник» и проч., старались не упоминать о своих церковных композициях, а многие совершенно сменили род занятий. Работа над проектом позволила проследить судьбы целого ряда лиц, ранее оставшихся в неизвестности: впервые стало возможно опубликовать конкретные данные по нескольким десяткам персональных церковных композиторов, а иногда также регентов и певчих.

Иной период — 1930-е годы, когда в связи с жестокими репрессиями закрытие храмов приобрело обвальный характер — становилось просто негде служить и петь, а к концу 1930-х — часто некому служить и петь.

Среди репрессированных в это время были конечно же регенты и певчие (а также бывшие священники, которые после закрытия их храмов были вынуждены работать регентами в храмах еще действующих). Среди канонизированных к настоящему времени новомучеников есть два очень талантливых музыканта. Один — протоиерей Георгий Извеков, который после окончания Киевской Духовной академии учился музыкальному искусству в Европе, где служил в причтах русских храмов, а в послеоктябрьские времена, вплоть до 1937, когда был расстрелян на Бутовском полигоне, занимался разной музыкальной работой, немало сочиняя по заказам регентов Москвы и других городов. Второй — Михаил Лебедев, архидиакон Патриарха Тихона, один из самых любимых петроградских, а потом московских диаконов эпохи 1920-х (незадолго перед расстрелом в 1930 он принял священство). Им посвящаются в книге отдельные очерки.

Духовные концерты в 1930-е, конечно, стали категорически невозможны. На оставшихся клиросах пели то, что отложилось на них в предшествующие времена. И так продолжалось до послевоенного периода — эпохи, пусть недолгого, церковного возрождения (вернее — относительно мирного сосуществования Церкви и государства), о котором подробнее пойдет речь во второй книге тома. Однако и в тридцатые годы — вопреки всему — появлялись и, что самое удивительное, исполнялись в храмах новые композиции: примеры этого будут приведены в книге.

Следующий период начинается с восстановлением патриаршества, то есть в 1943, а кончается во второй половине 1980-х, с празднованием 1000-летия Крещения Руси и, по сути, вместе с концом советской власти (что произошло тремя годами позже). Есть в нем и внутренние подразделения.

Так, для общецерковной истории очень существенная хронологическая веха связана даже не столько со смертью И. В. Сталина в 1953, сколько с гонениями на Церковь в годы правления Н. С. Хрущева (1958—1964); для пения эти гонения тоже имели большое значение — и ввиду нового обвального закрытия и уничтожения храмов, и ввиду огромных налогов, которые часто препятствовали сохранению профессиональных хоров.

Кроме того, этот период в церковно-певческом отношении естественно делится надвое по патриаршествах Алексия I и Пимена, то есть с гранью в 1970 году. Регенты с большим церковным стажем, мемуаристы, описывающие ту эпоху, отчетливо проводят такую грань, объясняя дело, помимо всего прочего, разницей во вкусах двух святителей, из которых один, Патриарх Алексей, имел строгие взгляды

на пение, восходящие к решениям Поместного Собора 1917—1918 годов, а другой, Патриарх Пимен, бывший в молодости прекрасным соборным регентом, имел взгляды более широкие, по крайней мере в отношении репертуара.

От послевоенного периода уже сохранились звукозаписи церковных хоров (начиная с середины 1940-х), в это время уже действуют духовные школы, возобновляется монастырская певческая традиция. Возобновляется и постепенно расширяется научное осмысление церковно-певческого искусства, пока почти исключительно — древнего его периода, иногда XVIII века, исполнение отдельных образцов в светских концертах, издание памятников.

Обо всем этом пойдет речь во второй книге, по проблематике которой будет написана специальная вступительная статья.

* * *

Если иметь в виду высокое искусство, продолжавшее расцвет русского церковного пения в первые десятилетия XX века — так называемое Новое направление, то круг имен окажется весьма тесен как в России, так, кстати, и в зарубежье. В течение 1920-х ушли из жизни или покинули Россию большинство выдающихся церковно-певческих деятелей предшествующего периода. Своего рода «мартиролог» по этому десятилетию читатель найдет в упомянутой выше статье С. Г. Зверевой в V томе РДМ. Если говорить о композиторах, то это — С. В. Рахманинов (уехал в 1917), А. Т. Гречанинов (уехал в 1925), А. Д. Кастальский (умер в 1926), Н. Н. Черепнин (уехал в 1918), А. А. Архангельский (умер в 1924), о. Михаил Лисцын (умер в 1918), о. Димитрий Аллеманов (умер в 1928), Виктор Калинин (умер в 1927), К. Н. Шведов (уехал в 1925), А. Г. Чесноков (уехал в 1925). Если говорить о крупных ученых, то это — о. Василий Металлов (умер в 1926), А. В. Преображенский (умер в 1929), Н. Ф. Финдейзен (умер в 1928). Некоторые из уехавших за рубеж авторов (Гречанинов, Черепнин, Шведов) продолжали сочинять церковные композиции, но это другая тема.

В России, как уже упоминалось, в 1928 перестали регентовать и сочинять Павел Чесноков и Александр Никольский (оба они до 1928 создали ряд духовных произведений, о которых будет сказано в данной книге); Н. М. Данилин вынужденно сосредоточился на светском хоровом дирижировании. Из больших мастеров, выдвинувшихся до 1917 и оставшихся в России, продолжал сочинять духовную музыку вплоть до начала 1950-х великий русский дирижер Николай Голованов; сочинял он, разумеется, «в стол»: его духовные хоры были впервые опубликованы в наше время.

Начиная с середины 1920-х, никакая православная духовная музыка в России не издавалась, а к концу 1920-х официально и вообще не существовала (в двадцатых еще предпринимались попытки частной издательской деятельности — путем гектографирования или переписки от руки отдельных композиций и рассылки их интересующимся лицам — см. в разделах «Драмсоюз» и «Издательская деятельность»).

Тем не менее новые переложения и композиции появлялись на клиросе даже в самые сложные времена, как уже говорилось, даже в мрачнейшей второй половине 1930-х. Авторами их бывали часто действовавшие регенты, но могли быть и «приглашенные» композиторы. Откуда возникала потребность в новом при труднейших условиях жизни Церкви? С одной стороны, могли быть богослужебные потребности: допустим, наличие каких-то нераспетых богослужебных текстов или распетых так, что данный хор не мог их почему-либо исполнять; причиной могла быть и недоступность необходимого нотного материала. Но, с другой стороны, явно имелась и непреодолимая потребность в пусть подспудном, необъявляемом творческом продолжении традиции, некое эхо того мощного толчка, который был задан русскому церковному пению в начале XX столетия.

Долгие десятилетия на русских православных клиросах вопреки всем препятствиям удерживался некий общий образ русского церковного пения. Об этом говорят, прежде всего, сохранившиеся библиотеки опытных и вдумчивых регентов, в которых представлен широчайший диапазон стилей — от сочинений Сартти и Галуппи до опусов владельца библиотеки. Просматривая такие библиотеки, приходишь в изумление: это какой-то особый, параллельный мир; во внешнем мире в это время выполняли пятилетки, проводили партсъезды, строили коммунизм, выражали надежду вскоре увидеть «последнего попа», в музыкальных кругах сочиняли оперы и симфонии, вели дискуссии о советском интонационном строе, — а наши регенты тщательно переписывали ноты, выстраивали певческое оформление целых служб, обменивались между собой копиями разных композиций и старались вовремя получить то, что оставалось от коллег, уже ушедших в мир иной. На регентских нотах часто встречаются записи о том, от кого и когда получена или переписана та или иная композиция, — ведь множительная техника была совершенно недоступна, даже наличие дома обычной пишущей машинки требовало санкции властей.

Кем они ощущали себя, эти регенты, — «последними из могикан» или хранителями сокровищ для будущего?

Все исследователи русского церковного пения знают, что такое «Словарь Семенова», хотя труд этот никогда не издавался. Скромный преподаватель Дмитрий Сергеевич Семенов, живя в далекой Кукарке на Вятке (Советске Кировской области), всю свою долгую жизнь, с ранней юности, упорно собирал сведения о русской духовной музыке, прежде всего о современных ему духовных композиторах — путем встреч и переписки с ними самими и их родными, копируя массу материалов от руки, а когда удавалось — слушая разные хоры. В результате он создал замечательный, в ряде отношений уникальный, Словарь православного русского церковного пения (вторая редакция — 1960), а также собрал значительную коллекцию нот и трудов по церковному пению⁷. В предисловии к Словарю этот

⁷ О судьбе собраний Семенова см. во второй книге тома, и там же — материалы его Словаря.

энтузиаст православной певческой культуры пишет, что церковное пение «имеет в перспективе печальный конец», что многое утеряно безвозвратно, другое недоступно, а немногочисленные любители и знатоки — на грани вымирания; сам же он стремится к сохранению памяти о прошлом только в интересах той полной истории русского искусства, которая будет создана в будущем. Позже, в 1976, петербургский регент и композитор старшего поколения Сергей Морозов обращается к Патриарху Пимену с письмом, в котором предлагает срочно организовать «фундаментальные нотные хранилища при библиотеках духовных академий, и в первую очередь Московской»: «Тянуть с этим делом, — пишет он, — однако, нельзя: пройдет лет пять—десять, и многих из нас, творцов, не станет»⁸. Морозов, по-видимому, все же надеялся на будущее. Надеялся на него и московский регент Василий Локтев, чью огромную, собиравшуюся всю жизнь регентскую библиотеку, в конце концов подаренную Патриарху Пимену, автор этих строк описывала, с изумлением взирая как на масштаб коллекции, так и на количество мало кому ведомых имен композиторов, принадлежащих именно XX веку. Впрочем, не столь уж мало кому: целый ряд этих авторов представлен не в нашем музыковедении, а на тех сайтах, где современные регенты и хористы обмениваются клиросной литературой в сканированном виде. Наследие это, таким образом, живет.

* * *

Небольшое отступление на тему о значении для данной темы такого источника, как Интернет.

Казалось бы, Церковь — по определению консервативная институция. Тем не менее церковные люди очень быстро освоили виртуальное поле и выстроили на нем множество структур разных уровней, пригодных для обсуждения любых проблем: от деятельности конкретного священника, прихода, архиерея до сложнейших вопросов догматики и церковного устава (в числе прочего — и пения в церкви).

Когда с конца 1980-х отдельные лица, приходы, епархии начали публиковать мемуары и документы по церковной жизни советских десятилетий (конечно, не только советских), это происходило по преимуществу спонтанно, самыми дешевыми и простыми способами; могли быть какие-то предисловия и комментарии к тексту, а могли и не быть, часто обходились без этого. Подобная продукция никому учету не подлежала, в библиотеки в основном не поступала. Даже в специализированной Синодальной библиотеке многие издания того времени отсутствуют.

То же самое можно сказать и о церковной периодике: она начинала выходить по мере появления потребности и накопления средств в том или ином храме или епархии, могла иметь какой угодно формат (и газетный, и журнальный, и, так сказать, смешанный), любую периодичность (или вообще не иметь таковой); некоторые издания выходили на протяжении ряда лет, некоторые — нескольких месяцев.

⁸ Письмо Сергея Алексеевича Морозова от 17 мая 1976 сохранилось вклеенным в ноты его песнопений для архиерейской службы, которые он послал в подарок Патриарху Пимену (ныне в Синодальной библиотеке).

Опять-таки учет этого потока не велся, да и вряд ли был возможен, и в библиотеки эти издания главным образом не поступали, продаваясь там, где были выпущены, иногда — на православных ярмарках или в церковных магазинах. Несколько позже появились более стабильные «епархиальные ведомости», но и тут все зависело — и зависит сейчас — от материальных возможностей епархии, а также от вкусов правящего архиерея по отношению к печатному слову. Есть среди этой периодики регулярно выходящие содержательные, прекрасно оформленные издания, есть и простые «листочки» с упоминанием текущих событий и архиерейских указов и служений. Искать подобные издания и подобную периодику целесообразнее всего в Интернете. Если даже там не выложены какие-либо тексты, то имеются упоминания о времени и месте их выпуска, что делает возможным поиск.

С церковными аудиодисками — ситуация подобная, только, пожалуй, еще сложнее. Правда, их учет долгое время велся в издательском отделе Данилова монастыря, но, во-первых, невозможно все учесть, а во-вторых, накопленная информация не является общедоступной. Кроме того, в последние годы многие лица или хорвые коллективы просто выкладывают свои записи в YouTube, без выпуска дисков. И тут тоже Интернет оказывается незаменимым источником.

Как известно из истории, регенты православных храмов всегда держали на клиросах так называемые тетрадки, то есть переписанные от руки сочинения (партитуры, а также партии), принятые к исполнению там, где служил регент. Переписано могло быть с изданных нот, либо с рукописей, либо сочинено данным регентом. В XIX веке пытались «тетрадки» запрещать, требуя, чтобы все пели только по нотам, изданным Придворной капеллой, — но добиться этого было невозможно. При советской власти тетрадки расцвели пышным цветом, о чем и свидетельствуют сохранившиеся регентские библиотеки. В основном писали от руки, при поздней советской власти появляются ксерокопии, ныне же подобная литература, отсканированная или набранная при помощи разных программ, обитает в Сети, часто на специальных сайтах для регентов и певчих. Конечно, при таких условиях точность атрибуции того или иного сочинения тому или иному автору может быть сомнительной, как и точность выложенного текста.

Но и любые тексты, почерпнутые в Сети, нуждаются в тщательной проверке — если возможно, по архивным источникам, если нет, то хотя бы по более поздним, желательно выпущенным солидными издательствами, книгам и нотам.

Очень полезным материалом являются также фильмы о крупных событиях в жизни Церкви, относящиеся к послевоенному периоду. Снятые по заказу Церкви, но также, разумеется, и с государственными пропагандистскими целями («в СССР с религией все в порядке»), эти фильмы, как правило, отлично сделаны в профессиональном смысле. Можно даже утверждать: чем раньше снят фильм — тем лучше он сделан. Абсолютный шедевр — фильм 1945 года о выборах и интронизации Патриарха Алексия I: местами видеоряд здесь прямо напоминает об «Иване Грозном» Эйзенштейна, снимавшемся в те же годы. Да и смысловой ряд вызывает такие ассоциации: церковь и государство, Филипп Колычев

«С НАМИ БОГ!» ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ДЕЯНИЯ

Хроника 1917—1930-х годов¹

Для коммунистов кончилась «предыстория» и началась история, кончилось царство буржуазии и началось царство социализма, кончилось царство необходимости и началось царство свободы, в которое они, следуя известному слову Маркса, стремились не постепенно перейти, а мгновенно «переброситься».

Антибольшевистской Россией события воспринимались, конечно, иначе. Православному сознанию и исповедничеству большевизм представлялся не началом истории, а ее концом, не утренней звездой грядущего светлого царства, а вечерней зарей запутавшегося в грехах мира. Многие ощущали Ленина антихристом и ждали Божьего суда. В гонимых церквях звучало «покайтесь» и в сердцах, наперекор творящемуся ужасу, крепла вера в новое небо и новую землю. <...>

Насколько страшны были первые годы революции классоненавистническим растлением общества и революционным перекрашиванием России, настолько же значительны они были тем, что все вещи, чувства и мысли начали постепенно обнаруживать свой удельный вес, входить в истину своей сущности, своего подлинного значения. Не только верующим, но и неверующим становилась понятной молитва о хлебе насущном, так как вся Россия, за исключением большевистской головки,

¹ *О структуре Хроники:* общим принципом расположения материалов является принцип хронологический, хотя не всегда удается выдерживать его четко; в случае датировки материала не по конкретной дате, а по ряду лет материал дается в конце данного десятилетия; выдержки из писем или дневников одного автора по возможности даются «блоками». Дополнительные сведения приводятся в подстрочных примечаниях, с указанием источников там же. Источники основных материалов Хроники даются под каждым материалом в сокращенном виде курсивом; в конце Хроники приводится полный список ее источников.

Разумеется, происходившие в стране процессы были одними и теми же в разных городах и областях, однако имелись и региональные различия, особенно в 1920-х годах. Поэтому сочтено было целесообразным разграничить 1920-е и 1930-е, а относительно 1920-х вести разграничения «Москва», «Петербург», «Провинция».

ела свой ломоть черного хлеба как вынутую просфору, боясь обронить хоть крошку на пол. Тепло, простор, уют исчезли из наших квартир, но в новых, часто убогих убежищах глубже ощущалось счастье иметь свой собственный угол, крышу над головой. Маленькие железные печурки, по прозванию «буржуйки», вокруг которых постоянно торчали голод и холод, благодарно и первобытно ощущались почти что священными очагами жизни. По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию. Становясь необычным, все привычное своеобразно преображалось и тем преображало нашу жизнь. Сквозь внешнюю оболочку вещей всюду видимо проступали заложенные в них первоидеи. <...>

Жизнь на «вершинах» становилась биологической необходимостью; абсолютное «бытие» переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможной опорой нашей каждодневной жизни. Без веры в свой долг, в свою звезду, в свою судьбу, в Бога нельзя было трястись в тифозном вагоне за хлебом для стариков и детей, нельзя было быть уверенным, что близкий человек не предаст тебя на допросе и что ты сам скорее умрешь, чем предашь его. <...>

Это вынужденное восхождение душ — о, конечно, не всех, но тех, в которых спасалась душа России, — к вечным ценностям глубже всего совершалось в Москве...

Федор Степун. Бывшее и несбывшееся. С. 203—205.

Начало революции — 1917—1919 годы — было временем удивительного духовного подъема, духовной легкости. Душа тогда стояла у открывшихся врат новой, великой церковной эпохи, и, страшась и как бы уже изнемогая от ясно видимых туч, она в то же самое время вдруг задышала воздухом небывалой духовной свободы.

Что-то в истории Церкви возвращалось к первоисточной чистоте и простоте, освобождаясь от вековых пут, от тяжелых риз обмирщения, внешности и лицемерия. <...> Над Церковью восходила заря жертвенности. Было тогда нам, молодым, и страшно и радостно.

Сергей Фудель. У стен Церкви. С. 152—153.

1917 — КОНЕЦ 1920-х

МОСКВА

Московский листок. 1917. 27 мая

На Всероссийском съезде регентов и учителей церковного пения собралось более 150 членов, прибывших со всех концов России.

Почетным председателем съезда был избран директор Синодального училища А. Д. Кастаньский, председателем съезда — А. В. Никольский. <...>

Съезд внес целый ряд постановлений: обязательное введение обучения пению в программу всех учебных заведений, признание за регентами и учителями пения права на государственную или общественную службу и на получение пенсий, объединение всех регентов и учителей пения во всероссийский союз. Съезд избрал делегатом на Всероссийский съезд духовенства и мирян и Поместный Собор одного из старейших знатоков и учителей церковного пения Д. И. Зарина.

Московский листок. 1917. 9 июня

Вчера в Духовной семинарии состоялось многочисленное собрание диаконов и псаломщиков г. Москвы с участием делегатов, приехавших на Всероссийский съезд духовенства и мирян.

Было доведено до сведения собравшихся, что съездом утвержден проект Всероссийского союза диаконов и псаломщиков для объединения их и восстановления в правовом и материальном положении. Союз является юридическим лицом и управляется центральным советом, находящимся в Москве и состоящим из 6 членов, избираемых от столичных диаконов и псаломщиков.

Собрание постановило просить совет возбудить ходатайство о введении правила, чтобы псаломщик после 10 лет беспорочной службы рукополагался во диаконы, а диакон после 15 лет службы — во священника. При исключительных обстоятельствах сроки могут быть уменьшены.

Постановлено также, чтобы настоятели церквей не препятствовали диаконам и псаломщикам говорить поучения в церквах, и о должной справедливости деления кружечных доходов.

14—15 августа 1917, Москва

Утром 13-го я пошел к обедне в Успенский собор. Служил архиепископ Тихон [Беллавин]. <...> Раздавали воззвание об учреждении братства Кремля, составленное мной и напечатанное за подписью протопресвитера [Любимова]. Розов возгласил многолетие братству, а протопресвитер сказал о нем проповедь на текст: «Забвена буди десница моя, аще забуду тебе, Иерусалиме». После все перешли в Мироварную палату, где и произошло открытие братства. <...>

14-го вечером, с Сереей Фуделем и Мокринским, я пошел ко всеобщей в Успенский собор. Стояла толпа желающих попасть в собор. В соборе было густо

народом и жарко. Служило семь архиереев во главе с Тихоном. Я ходил с блюдом — со сбором в пользу братства Кремля. Всенощная длилась с 6 до 10^{1/2}. По середине собора стояли члены Собора. <...> Синодальный хор пел всенощную киевским распевом. Лития совершалась на паперти собора, и вслед за ней был крестный ход вокруг собора. Архиепископа впервые поминали митрополитом, и среди службы принесен был белый клобук, которым и заменил преосвященный Тихон свой черный. Перед Евангелием всеми архиереями читан был акафист Успению. Меня поразил художественной, сжатой, строгой силой своего чтения преосвященный Анастасий Кишиневский. Но лучше и сильнее всего действовал на душу сам собор, озаряемый множеством свечей, оживляемый тихим и строгим пением, наполненный народом, насыщенный молитвой. Он весь снаружи был как бы охвачен звоном: это было пенье над пеньем, Успенская служба над службой. Нет, это не прибой волн, — это что-то в воздухе творящееся, от воздуха, от атмосферы идущее, природное, простое, всегда бывшее, не человеком содеянное, — этот звон. И в то же время чувствуется, что он такой же старый, такой же неколебимый, как эти стены собора, сияющие золотом и ликами мучеников. А П. Б. Мансуров шепчет мне: «Смотрите, эти колонны как пальмы. Бывает в мире прекрасное, великое, — и вот оно. Такое есть еще только у Марка в Венеции, такие же колонны-пальмы, но ведь и там — Византия, православный храм». За стенами собора — сотни народа, жаждущие попасть на службу. Их впускают по мере выхода богомольцев из собора. Во время прикладывания к выносной иконе милиционер — парень с безусым лицом, в глупом красном воротнике, все бросался словами: «Товарищи, не напирайте», «товарищи то, товарищи другое». Женщины около меня роптали: «Какие тут товарищи? Тут братия христиане». Мне тоже надоело это, и я сказал ему: «Тут слову “товарищи” не место. Тут все православные, а не товарищи». Он удивленно посмотрел на меня и стал обращаться к толпе со словами: «Господа!»

Наутро к обедне начали звонить на Иване Великом в 9 часов. <...> Членов Собора пускали через северные двери, имевших билеты на вход в собор — через южные.

Служба шла с обычным торжеством. Служил митрополит Владимир с двумя новыми митрополитами — Петроградским и Тифлиским, которые не могли еще достать себе белых клобуков. Я опять ходил со сбором и узнавал многих знакомых среди членов Собора. <...> Перед «Отче наш» разнесся слух, что приехал Керенский. В это же время стали собираться в собор архиереи, участвовавшие в крестных ходах. Середина собора наполнилась ими. Потом они стали прикладываться один за другим к святым мощам. Я видел, как они прикладывались к мощам митрополита Ионы. Они подходили один за другим — в золотых саккосах, с жезлами, — снимали митры, передавали их мальчикам-служкам, гробовой иеромонах возглашал: «Святителю отче Ионо, моли Бога о нас», и они прикладывались к мощам, склоняясь над ними. Я видел их всех. Среди них были глубокие старцы, но более всего были заметны те, у кого старость еще соединялась с силой, с явным еще упором в жизни, — и я дивился их лицам. Это были русские лица, даже не просто русские, а великорусские лица — хоть сейчас в образец этнографический взять их,

и ни одного лица незначительного, вялого, внутренне скучного. *Не* интеллигент: это бесспорно, явно, ясно; есть на лицах морщины, и умные складки, и жизненные отмети борьбы, думы, может быть, страсти, — но это скорее лица умных бояр XVII века, какого-нибудь Ртищева, Матвеева, Стрешнева. Два-три подвижнических лица — тонких и изнутри значительных, остальные — крепкие земле, народные, полнообразные житейским и бытовым содержанием лица. Да, в жизни у *них*, чтобы о них ни говорили, есть уклад, мера, — и красота. [Михаил Васильевич] Нестеров прав; когда я ему это рассказывал, он молвил: «Они так ходить умеют, так двигаются, так идут, как века только могут научить ходить и двигаться. Это — строй, это — чин!»

После заамвонной молитвы митрополит Владимир прочел грамоту Синода о созыве Собора, члены Собора — миряне и клир — попарно стали выходить из собора и строиться для шествия в Чудов монастырь на площади, а все архиереи, стоя посредине собора, запели «Символ веры». Это был сильнейший момент богослужения. Их было сто архиереев и архимандритов, и «Символ веры» звучал с силой незабываемой. Давно, давно не раздавалось такого голоса Церкви под успенскими сводами. А это золото, а это вниманье стен пятивековых, а это пустое царское место, а эти штатские фигурки «временного правительства», не могущие подтвердить ни слова из того, что поет архиерейский сонм! Все это — сколько дум, сколько чувств давало и сменяло одни на другие. Вековое — и минутное, плещущее с силой на недвижимое вековое. Я вышел на паперть. Началось выхождение архиереев из собора. Они шли попарно начиная с Димитрия и Арсения — викариев московских. У них нет ни слова, ни движения, не связанного с тем, в чем они участвуют: вековой чин, вековой «ход». Великая истовость — и какая красота! А за ними вышел Керенский. Он был в костюме цвета хаки — во френче. <...> Керенский держался как-то неестественно прямо, начеку, на выдержке. Казалось, в руке у него должен был быть стек, непременно стек. Его наряд — военный и невоенный, наряд военного «штатского» — подчеркивал случайность и нелепость его присутствия тут, в соборе, где шли люди в одеждах вековых, переживших столетия, рассчитанных на какую-то известную мистическую прочность и неотменимость. Я четко и близко видел его лицо. Оно было землисто и худо, и мне показалось оно — в глазах, в искривлении губ, в линиях ноздрей — усталым до злости и злым до усталости. Оно и было, и казалось молодым, но молодость эта еще усиливала в нем черты случайности, измученности, злости. Все это было на лице так явно и открыто, что мне стало неприятно смотреть: вот он закусил губу, вот двинул плечом, и в фигуре его еще заметней стало какое-то надрывное, истерическое высокомерие, злобная душевная надменность, холодом и обреченностью веяло от него.

Я перестал смотреть на него. Звон гудел и шумел в воздухе. Народ напирал со всех сторон. Шествие еще только повернуло за угол Успенского собора. Милиционеры не могли сдержать толпу, она хлынула на шествие, и Керенский оказался в толпе, смешавшись с ней. Сзади его нельзя было отличить от любого военного, каких было много в толпе. И тут я опять посмотрел на него. <...> Все это — кресты

соборов, хоругви, сонм архиереев, самый Собор — ему чуждо, враждебно, ненавистно. Его рука не может подняться для креста — для того, для чего поднимаются теперь одновременно тысячи рук. Я видел: он ни разу не перекрестился! А он стоит здесь на месте того, кто здесь крестился, кто венец принимал у алтаря, кто читал вслух в этом же соборе этот же «Символ веры», каждое слово которого для него вздор. А этот народ, сюда пришедший? Разве это та «демократия», о которой он говорит, которой что-то обещает, чем-то грозит? Это все чужое, он до нестерпимости «не свой» здесь, и, конечно, он это чувствует, и он — умный, он, дерзкое дитя, злится, вероятно: «Кой черт меня принес сюда? И на кой черт все это нужно?» — эти архиереи, соборы, колокольни, иконы, мощи. Ведь это все с тем связано, что он ненавидит, что ему ненавистно от альфы до омеги. Идет он в своем хаки — грустный и злой, со своими штатскими. <...> Вчера, 14-го, Любимову предложили отменить крестные ходы из-за того, что совещание не кончилось и будет еще и 15-го². Любимов отвечал: «Отмените, если можете». Вместо отмены, они приехали в собор. Человек в хаки прошел от Успенского собора до монастыря с усталостью, со злостью, с грустью. Или он не нужен, или не нужно все, что не-он: эти колокола, архиереи, паперти, крестящиеся люди. Соединения быть не может.

Солнце сияло. Звон гудел. Мы входили в Чудов монастырь. Вся площадь была залита народом. Слепительно сверкали в воздухе золотые хоругви.

Сергей Дурылин. Из «Олонецких записок». С. 135—136.

15 августа 1917, Москва

Ходил на Красную площадь посмотреть на крестный ход и молебствие по случаю открытия Всероссийского Церковного Собора. Тысячи хоругвей, сотни священнослужителей в золотых ризах, торжественный звон по всей Москве, и все это под куполом жаркого ясного дня. Зрелище великолепное и умильное, но, к сожалению, оно не привлекло несметных толп народа. Не то ему теперь нужно — не хоругви, а красные флаги ведут его за собой. И это очень грустно: сердца грубеют, развивается эгоизм, исчезает красота жизни.

Никита Окунев. Дневник москвича. С. 70.

Московский листок. 1917. 12 сентября

12 сентября состоялось заседание Синода, на котором был сделан доклад о. протопресвитером Н. А. Любимовым о забастовке в Синодальном хоре. Взрослые певчие потребовали увеличения содержания и жалованья начиная с нынешнего года, что составляет сумму до 52 000 рублей. Малолетние певчие в забастовке не участвовали.

² Государственное московское совещание проходило в Москве 12—15 августа 1917. В нем участвовало около 2500 делегатов. Цель совещания — консолидация всех слоев общества, политических партий и общественных организаций вокруг Временного правительства — не была достигнута.

Синод постановил: уволить всех взрослых певчих Синодального хора, а предложить петь за богослужениями в Успенском соборе местному клиру³.

21 ноября/4 декабря 1917, Москва

Деяние 47-е Священного Собора Православной Российской Церкви

...В лето от Рождества Бога Слова 1917-е, в праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы, месяца ноября в день 21-й (4 декабря), в Московском Большом Успенском соборе совершается поставление нареченного Патриарха, митрополита Московского и Коломенского Тихона в Патриарха Московского и всея России.

1. К 9 часам утра в Мироварную, бывшую Патриаршую, палату прибывают все епископы, присутствующие на Соборе, священнослужители, имеющие участвовать в богослужении, и 30 мирян — членов Собора. Архиереи, облачившись в мантии, а прочие священнослужители — в ризах и стихарях ожидают прибытия нареченного Патриарха. Здесь же собираются к этому времени синодальные (бывшие патриаршие) дяки, певчие, протодиакон Большого Успенского собора и диаконы с кадилами, пресвитеры Успенского собора с запрестольною иконою и с корсунскими крестами. [Его Святейшеству сослужат иерархи <...>, священнослужители пресвитерского сана <...> протодиаконы и диаконы: Московского Большого Успенского собора протодиакон Константин Розов, того же собора — протодиакон Николай Румянцев, диакон Василий Ризположенский, диакон Василий Рыбнов, диакон Александр Уткин, диакон Алексей Головин, пономарь диакон Петр Антушев, пономарь диакон Василий Солнцев.

2. По прибытии нареченного Патриарха его сретают при входе на лестницу очередной сакелларий Успенского собора, помощник синодального ризничего и иподиаконы; на верхней площадке лестницы миряне — члены Собора, в соборе Двенадцати Апостолов митрополит Тифлисский Платон [Рождественский], архиепископы и епископы, присутствующие в Синоде, синодальный ризничий архимандрит Арсений [Денисов] с крестом и один иеромонах с святою водою.

3. При пении «Достойно есть» нареченный Патриарх шествует в алтарь, целует святыи престол и осеняет с соли предстоящих.

4. При осенении нареченным Патриархом предстоящих митрополит Тифлисский Платон обращается к нареченному Патриарху с приветствием от Святейшего Синода <...>.

5. На приветствие Святейшего Синода Святейший Патриарх отвечает следующим словом <...>

6. По окончании слова нареченный Патриарх со всеми присутствующими в соборе Двенадцати Апостолов направляется в Мироварную палату.

7. По вступлении нареченного Патриарха со всеми присутствующими в Мироварную палату митрополит Киевский Владимир [Богоявленский] начинает молебен возгласом: «Благословен Бог наш...», на что все присутствующие воспевают:

³ Увольнение не состоялось; о судьбе Синодального хора см. в дальнейших материалах тома, в частности в воспоминаниях А. П. Смирнова и в разделе «Николай Данилин».

«Аминь. Царю Небесный. Трисвятое по Отче наш». Митрополит Владимир возглашает: «Яко Твое есть Царство...», все присутствующие воспевают «аминь», по сем тропарь и кондак Пятидесятницы. Митрополит Киевский Владимир возглашает ектенью о Святейшем Синоде, о нареченном Патриархе Тихоне, о Богохранимой державе Российской, о правителях ее, воинстве и о всех православных христианах. После сего совершает отпуст без многолетствования и по троекратном отпустительном, всеми поемом «Господи помилуй» дает нареченному Патриарху священный крест для целования.

8. По совершении отпуста открывается шествие в Успенский собор в следующем порядке: пресвитеры со святынею, синодальные певчие, миряне — члены Священного Собора, священнослужители, епископы по старшинству и, в заключение, нареченный Патриарх в предшествии иподиаконов с трикирием и дикирием. Все участвующие в шествии воспевают тропари Введения и Успения Пресвятыя Богородицы. Шествие вступает в Успенский собор чрез северные двери. Здесь миряне — члены Священного Собора занимают заранее указанные им места, епископы и священнослужители, участвующие в совершении литургии, входят в алтарь для облачения, прочие епископы становятся в мантиях направо и налево от облачального места, на устроенных для них возвышениях.

9. По вступлении в Успенский собор нареченного Патриарха Синодальный хор, под управлением Н. М. Данилина, поет входное «Яко одушевленному Божию Кивоту...». Во время сего пения нареченный Патриарх совершает поклонение и целование святых и царских дверей, Владимирской иконы Божией Матери и святых мощей. По сем нареченный Патриарх входит в алтарь и совершает поклонение и целование святого престола при пении Синодального хора «На гору Сион..»

10. По молитве же «Господи, ниспосли» обращается нареченный Патриарх к западу и благословляет, яко же обычай есть, поющим певцом: «Тон деспотин» и прочая.

11. Егда начинают облачать нареченного Патриарха, поют певцы «Свыше про-roцы» (напев М. А. Балакирева). Облачают нареченного Патриарха по чину святительского облачения во обычные архиерейские одежды, токмо прежде подризника возлагают параман патриаршеский да возлагают же поручи и палицу патриаршеские.

12. По облачении, при осенении нареченным Патриархом молящихся дикирием и трикирием, часть малолетних певчих поет в алтаре «Тон деспотин», заключительное «Ис полла эти деспота» — поет весь хор.

13. По сем чтут часы и совершается литургия по обычаю. По обходе и обычном каждении и пении «Ис полла эти деспота» сущие во алтаре поют тропарь Пятидесятнице, а правый лик поет тропарь празднику.

Во алтаре поют «Слава», кондак Пятидесятнице. Левый лик поет «И ныне», кондак празднику.

И егда исполниша кондак сей, исходит протодиакон из святых дверей и возглашает: «Господу помолимся».

Певцы: «Господи, помилуй».

Нареченный Патриарх: «Яко свят еси, Боже наш...» И поют Трисвятое по обычаю. При сем все жезлоносцы, стоящие на солее, кроме жезлоносца нареченного Патриарха, отходят в диаконник и во святой алтарь.

14. После Трисвятого возжигают свечи вся пред иконы, также же и сущим во алтаре дают свечи, и всем людям. Свещеносец нареченного Патриарха имеет всю литургию свещу, витую из трех свещ.

По третьем Трисвятом нареченный Патриарх исходит из святых дверей со крестом и дикирием и благословляет люди, лики по обычаю, возглашая: «Призри с небесе, Боже...»

По сем идет на горнее святительское место и благословляет трикирием по обычаю, поющим во алтаре священнослужителям: «Святыи Боже...»

15. Егда же лик поет конечное Трисвятое, тогда становятся рядом с нареченным Патриархом старейшие два митрополита: Киевский Владимир и Тифлисский Платон — и обращая к востоку трижды с Патриархом вкупе, и имут митрополиты нареченного Патриарха под руки и возводят его на патриаршее горнее место.

16. И обращаются нареченный Патриарх и митрополиты к западу, и возглашает митрополит Тифлисский: «Вонмем».

А Киевский митрополит велегласно чтет: «Божественная благодать, немощная врачующи, оскудевающая восполняющи и промышление всегда творящи о Святых Своих Православных Церквах, посаждает на Престол Святых Первосвятителей Российских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена отца нашего Тихона, Святейшего Патриарха Великого Града Москвы и всея России, во имя Отца. Аминь».

И абие посаждают митрополиты нареченного Патриарха на горнее седалище и воздвизают его, взявше под руки. И паки возглашает митрополит: «И Сына. Аминь».

И абие посаждают паки Патриарха на седалище.

И воздвизают митрополиты Патриарха под руки и третицею посаждают его на место, возглашающу митрополиту Киевскому: «И Святаго Духа. Аминь».

«Аксиос» (воспетое в первый раз Святейшему Патриарху в 10 часов 45 минут утра).

И поют третицею «Аксиос» сущии во алтаре, и по них правый лик с людьми тоже поют.

Тогда архиепископ Новгородский Арсений [Стадницкий] становится в святых дверях и, обращая к востоку, глаголет велегласно ектенью сию: «Миром Господу помолимся». <...>

18. Егда же глаголют ектенью сию, митрополит Киевский Владимир чтет молитву: «Владыко Вседержителю и Господи всяческих...» <...>

19. Глаголемей же ектеньи, приходит к Святейшему Патриарху ключарь со диаконы, несущими на блюде сак и омофор патриаршеский, панагии и патриаршую шапку. <...>

20. И егда сконча архиепископ Арсений вышереченную ектенью, возглашает митрополит Киевский:

«Ты бо Всесилен Вседержитель Бог еси, и Твое есть царство и сила и слава Отца и Единороднаго Твоего Сына и Всесвятаго и Благаго и Животворящаго Твоего Духа». Лик: «Аминь».

21. И исходит протодиакон в Святые двери и встает лицом к западу и кличет похвалу сице:

«Святейшему Герману, архиепископу Константинопольскому, Вселенскому Патриарху, многа лета». Правый лик поет такожде.

«Блаженнейшему Фотию [Пероглу], Патриарху Александрийскому, многа лета». Левый лик тожде.

«Блаженнейшему Григорию [Аль-Хаддаду], Патриарху Антиохийскому, многа лета».

Правый лик тожде.

«Блаженнейшему Дамиану [Касатосу], Патриарху Иерусалимскому, многа лета». Левый лик тожде.

«Святейшему Тихону, Отцу нашему и Патриарху Московскому и всея России, многа лета». (Сие возглашение последовало в 10 часов 55 минут утра.)

Правый лик тожде.

«Преосвященным митрополитом, архиепископом и епископом и всему Священному Собору Церкви Российской многа лета».

Левый лик тожде.

«Богохранимой державе Российской и воем ей и всем православным христианом многа лета».

Правый лик тожде.

22. И егда скончаша многолетие, глаголет протодиакон, шед во алтарь: «Вонмем».

И Святейший Патриарх: «Мир всем».

И лики с людьми вкупе: «И духови твоему».

Паки протодиакон: «Премудрость. Вонмем».

И второй диакон, ему же Апостол чести, сказывает прокимен Апостолу, яко же обычай.

23. По прочтении Евангелия Святейший Патриарх первый раз в сем сане осеняет народ дикирием и трикирием в 11 часов 12 минут утра.

24. На велицем входе первее несут свечи две в надсвещницах пономари, по сем свещу триpletенную, по сих крест патриаршеский, шапку и омофор. Также несут диаконы сионы и по сих иподиаконы с дикирием и трикирием, диаконы с кадилы, диак с рипидю, протодиакон со святым дискосом, другой диак с рипидю, третий диак такожде с рипидю, архимандрит с потиром святым и еще диак с рипидю. По сих же идут архимандриты и священницы по обычаю.

Святейший Патриарх, взем святой дискос, глаголет:

«Всех вас, православных христиан, да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков».

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том IX

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ
В XX ВЕКЕ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1920—1930-е годы

Книга 1

Часть 1

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 27.11.2015. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Академия.
Усл. п. л. 49,02. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: **8-495-625-79-19**. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)